

Разные пути

Вновь увидев Мянью Сяосяо, Вань Миньюэ отвесил глубокий поклон. Та, улыбаясь, приняла его без тени возражения.

Новость о том, что Вань Миньюэ и Хань Линь оказались в ловушке в заснеженных горах Цзинь-Алинь, заместитель Владыки Павильона Дождя в Чанъане поначалу скрывал. В Павильоне Гаснущего Светильника и Темного Дождя мало кто знал о возможной гибели Хань Линя, а Шангуань Цюэ, находившийся далеко в землях Шу, и вовсе оставался в неведении.

Однако весть о Вань Миньюэ достигла Ордена Безмолвных Цикад, и мать Сяосяо, Бай Ин, пришла в отчаяние.

Зимы в Цзинь-Алине были такими суровыми, что вода замерзала на лету. Человеку, привыкшему к южному климату, было почти невозможно там адаптироваться. К тому же это была пограничная территория, полная непредвиденных опасностей. Павильон Гаснущего Светильника и Темного Дождя бездействовал. Было неясно, то ли они проверяли Орден Безмолвных Цикад на прочность, то ли выжидали, пока спасательная операция обескровит орден, прежде чем предпринять масштабные действия.

На протяжении нескольких поколений пост главы Ордена Безмолвных Цикад передавался по наследству: от отца к сыну, от сына к внуку. Но в последнем поколении, в битве против Культа Красного Вэй, семья Тан понесла тяжёлые потери, и не осталось достойного наследника. Восемь лет назад глава Ордена Тан, после долгих раздумий, нарушил вековые устои и передал свой пост тогдашнему заместителю — Бай Ин.

Бай Ин была седьмой дочерью старого господина Бая из Цзинчжоу, и в юности её часто называли Седьмой госпожой Бай. Семья Бай считалась знатной, в роду числилось несколько прославленных мастеров, но угасающий старик признавал только сыновей. Родив тринадцать дочерей, он наконец получил единственного наследника, а дочерей считал вещами, которые можно было выдать замуж за кого угодно.

В тринадцать лет Бай Ин воспротивилась устроенному отцом браку, сбежала из дома и присоединилась к Ордену Безмолвных Цикад, разорвав все связи с родителем. Возможно, в благодарность за предоставленное убежище, она вышла замуж лишь в двадцать семь лет. Но и после свадьбы женщина не переехала в Цзиньчэн к семье мужа, а продолжала служить ордену. Когда её дочери, Мянью Сяосяо, исполнилось пять, её муж, Владыка Павильона Развеянных Цветов по фамилии Мянью, завёл любовницу. Бай Ин развелась с ним и вернулась в Шаньчэн. С тех пор она без единого дня отдыха помогала главе Ордена Тан, тяжело раненному в битве с Культуром Красного Вэй, управлять всеми делами организации.

Хотя её назначение и противоречило традициям, и старейшины семьи Тан были недовольны, её заслуги в цзянху были общепризнаны, поэтому все помалкивали. Семейная преемственность —

не всегда плохо, но сложные родственные связи внутри клана порождают слишком глубоко укоренившуюся сеть интересов.

Даже сейчас, спустя восемь лет на посту главы, многие решения в Ордене Безмолвных Цикад принимались без участия Бай Ин.

В своё время Вань Миньюэ не хотел вступать в орден именно потому, что знал об этих сложных, давно укоренившихся в Шаньчэне порядках.

Глава настаивала на поиске решения, но старейшины считали Вань Миньюэ всего лишь недавно возвысившейся фигурой без прочных корней, не заслуживающей спасения. К тому же, до вступления в орден этот юноша умудрился нажать врагов в лице Зала Двух Клинков из Тайюаня.

Несколько десятилетий назад Зал Двух Клинков был столь же влиятелен, как и Орден Безмолвных Цикад. Один властвовал на севере, другой — на юге, и они не вмешивались в дела друг друга. В последние годы Зал пришёл в упадок, главы его отделений не могли найти общий язык и постоянно спорили о разделе власти.

Но старейшины придерживались принципа «чем меньше дел, тем лучше». Они и раньше не горели желанием принимать беспокойного юношу, а теперь, когда он застрял в Цзинь-Алине, предоставить его своей судьбе казалось им отличным выходом.

В разгар этого противостояния большинство высказалось за то, чтобы отложить спасательную операцию до весны.

В то время Мяньюэ Сяосяо приехала в Шаньчэн навестить мать. За стеной громко спорили, и она, уловив суть разговора, составила общее представление о происходящем. Вернувшись в Цзиньчэн, она пригласила на чай Шангуань Цюэ, которого отправили в земли Шу и который в тот момент был в городе по делам. Они сидели в Павильоне Развешенных Цветов за тем самым столиком у перил, откуда открывался вид на ивы, и она раскрыла ему эти сведения.

— Знаешь, Шангуань тогда даже в лице не изменился, — Мяньюэ Сяосяо протянула свою белую пухлую руку и долила Вань Миньюэ чаю. — Он продолжил обсуждать со мной дела казино в Цзиньчэне, допил оставшиеся полчайника и перед уходом прямо там поставил печать на договоре. Кто бы мог подумать, что в ту же ночь он вскочит на коня и покинет земли Шу, чтобы больше не вернуться.

Вань Миньюэ поднялся, взял чашку и ещё раз торжественно поблагодарил её.

Мяньюэ Сяосяо прикрыла половину лица круглым веером и рассмеялась так, что всё её полное тело затряслось, словно плавающая в миске пышная клецка.

Вань Миньюэ снова сел.

— Только ты и умеешь угождать людям! — воскликнула собеседница. — Осушил чашку чая, и кто не знает, подумает, что ты и впрямь меня умаслил! «Персиковая роса» моего Павильона Развешенных Цветов так знаменита, а ты и капли не желаешь пригубить!

Предки семьи Мяньюэ были лекарями и мастерами гу, и приготовленные ими лечебные вина, по слухам, укрепляли тело и продлевали жизнь. Многочисленные винные лавки павильона были разбросаны по всей стране, и «Персиковая роса» была самым дорогим из вин. Оно источало тонкий аромат персикового цвета и оставляло во рту мягкое послевкусие. Говорили, что его готовят по секретному семейному рецепту, строго соблюдая время и пропорции ингредиентов, и до сих пор никому не удалось его разгадать.

Однажды Мяньюэ в знак дружбы предложила Вань Миньюэ это вино, но тот остался совершенно равнодушен и отказался. Обычно все только и просили у неё «Персиковую росу», а тут она сама предложила, а он отказался. С тех пор женщина затаила обиду и часто припоминала ему этот случай.

Вань Миньюэ, зная об этом, снова извинился, сказав, что проявил крайнее невежество, но на вопрос, будет ли он пить, так и не дал прямого ответа.

Мяньюэ знала, что в искусстве уклоняться от ответов мало кто мог сравниться с Вань Миньюэ, поэтому не стала настаивать и сменила тему:

— Впрочем, не думай, что ты мне чем-то обязан. Скажем так, я в основном хотела помочь маме, а заодно... — она замолчала и опустила взгляд на пару павлинов, изображённых на веере, — оказать услугу Шангуаньюэ Цзыюэ.

— Ах, а я-то думал, ты решила помочь мне, потому что мы с тобой просто приятели, — притворно обиделся юноша.

— Ой ли, когда это ты со мной пил?

Вань Миньюэ тут же перевёл разговор:

— Разве ты не для того поддерживаешь свою нынешнюю внешность, чтобы не привлекать женихов, падких на красоту? Почему же сейчас сама на неё повелась?

Он помнил, почему она довела себя до такого состояния, и её интерес к Шангуаньюэ Цзыюэ его немало удивил.

Мяньюэ, услышав его насмешливый тон, ничуть не смутилась и спокойно ответила:

— Ну, это смотря о ком речь. У Шангуаня такая внешность, что глаз не оторвать. Много ли таких на свете? По сравнению с его красотой мои принципы могут и подождать.

Мянь Сяосяо давно была наслышана о Шангуань Цюэ. В детстве, когда она жаловалась и ленилась тренироваться, Бай Ин всегда ставила ей его в пример. В юности она ненавидела этого человека из легенд. И сколько бы подружки ни рассказывали о его невероятной привлекательности, она лишь презрительно фыркала. Несколько лет назад, когда до неё дошли слухи о том, как он бросил меч и сбежал из Лояна, она несколько дней тайно радовалась.

Позже она узнала, что он отказался от меча и занялся хозяйственными делами Павильона Гаснущего Светильника и Темного Дождя. Она не могла понять, о чём он думает: огромное состояние семьи Шангуань в Цзиньлине ждёт его, а он отправился в цзянху, чтобы быть у кого-то на побегушках. Поэтому, когда Владыка Павильона услышала, что в Цзиньчэне будет пир, на котором будет присутствовать Шангуань Цюэ, она решила пойти и посмотреть на него.

На пиру выяснилось, что таких, как она, было немало.

Однако перед самым началом праздника сообщили, что в Павильоне Гаснущего Светильника и Темного Дождя возникли проблемы, и Шангуань Цюэ придётся задержаться. Все разочарованно вздохнули.

Пир шёл своим очередным ходом, скучно и пресно, как вдруг все увидели человека, вышедшего из тени.

В ту ночь луну скрывали лёгкие облака. Сначала показался лишь смутный силуэт — стройный, с плавной походкой. Когда он шагнул в свет фонарей, все присутствующие затаили дыхание.

Его ослепительная красота, казалось, была способна разогнать ночную тьму.

Когда Шангуань Цюэ занял своё место, взгляды гостей были прикованы только к нему. Его кожа светилась, черты лица были безупречны, но в них не было ничего женственного — это была красота истинно мужская.

Он отвечал вежливо, держался учтиво, без малейшего намёка на высокомерие и без тени смущения от всеобщего внимания.

Шангуань Цюэ был мягок и сдержан. К удивлению многих, в нём не было ни капли заносчивости. Он умел вести дела, устраивать застолья, говорил лестные комплименты и легко находил общий язык с людьми.

В те дни на пирах он всегда был одет просто, без всяких изысков. Мянь Сяосяо запомнила это и, пригласив его однажды в Павильон Развешенных Цветов для делового разговора, подарила ему несколько отрезков шёлка из земель Шу.

Увидев шёлк, Шангуань Цюэ улыбнулся. Улыбнулся так, что женщине показалось, будто она видит сон, и земля уходит у неё из-под ног.

— Благодарю за вашу доброту, Владыка Павильона Мяньюэ, но в нынешней одежде мне гораздо удобнее.

Когда Мяньюэ Сяосяо осознала смысл его слов, Шангуань уже был далеко.

Такая внешность у мужчины, присутствующего на пирах и ведущего переговоры, слишком отвлекала внимание и могла вызвать недовольство у других мужчин. Он был очень умен.

***

Начало того лета

Пришла весть о восстановлении Шангуань Цюэ в должности.

В то время Бай Ин оставила Вань Миньюэ в Цзиньчэне, поручив ему управлять местным отделением Ордена Безмолвных Цикад.

В тот день в городе не было дождя. Небо было ясным, а воздух — прохладным. Цикады на ивах завели свою неумолчную песню. Новость пришла, когда Вань Миньюэ и Мяньюэ Сяосяо обсуждали дела в Павильоне Развеянных Цветов.

Собеседница, услышав новость, лишь скривила губы:

— Все предприятия Павильона Гаснущего Светильника и Темного Дождя — его рук дело. Цзян Шуйянь — упрямец до мозга костей, ему ли бегать повсюду и уговаривать людей вкладывать деньги в эту бездонную бочку? Весь павильон живёт за его счёт, долго ли глава мог его отстранять? Это всё для отвода глаз.

Она сделала глоток чая и добавила:

— Но странно, что Шангуань Цюэ снова отослали из Лояна, на этот раз в Линнань, всё дальше и дальше. Хотя эти мастера боевых искусств, похоже, презирают его за тот титул гения, но ведь он столько для них делает. Почему Цзян Шуйянь так враждебно к нему настроен?

Вань Миньюэ приподнял бровь:

— Сочувствуешь?

Мянь Сяосяо не стала отрицать:

— И сочувствую тоже.

На самом деле главным событием в Лояне в тот день было не возвращение Шангуань Цюэ, а назначение Цзян Шуйянем Хань Линя заместителем Владыки Павильона. Для обычных людей это было шоком. В прошлом году Цзян Шуйянь был ранен в правую руку, и его мастерство владения саблём заметно ослабло. Назначение заместителя было явным указанием на преемника. Но для них намерения Цзян Шуйяня стали ясны ещё тогда, когда он отправил Хань Линя убивать главу Культа Красного Вэй.

При упоминании об этом женщина усмехнулась:

— Он и не боялся, что у Хань Линя от страха дрогнет рука, и его убьют. — Она на мгновение замолчала и с многозначительной улыбкой добавила: — Впрочем, такой человек, как он, наверняка считал, что если Хань Линь там погибнет, то и не достоин будет принять его Павильон Гаснущего Светильника и Темного Дождя.

В начале того лета произошло ещё одно событие: Шао Ланьтин вернулся из Чанъаня в Шаньчэн, покинул Орден Безмолвных Цикад и отправился в Лоян, чтобы жениться на И Утун.

— Моя мать чуть с ума не сошла. И Шао Ланьтин, и ты — вы оба были у неё на примете. Но вы оба — такие беспокойные. Я давно ей говорила, что нельзя так бросать всё на самотёк. Она хотела вас закалить, показать старейшинам, чтобы потом те не ворчали.

Мянь Сяосяо надула губы:

— Кто бы мог подумать, что Шао Ланьтин просто уйдёт насовсем.

Все считали, что это того не стоило. В прошлом году Бай Ин сильно продвинула и его, и Вань Миньюэ. У него были блестящие перспективы в Ордене Безмолвных Цикад. В нынешние времена, когда повсюду кишмя кишат шпионы, при приёме новых членов требуют безупречную репутацию. Павильон Гаснущего Светильника и Темного Дождя его точно не примет.

Даже такого талантливого человека, как Вань Миньюэ, чей прежний орден был уничтожен, Бай Ин два года держала на самых низших должностях. Во-первых, чтобы переждать гнев Зала Двух Клинков, а во-вторых, чтобы усыпить подозрения, особенно учитывая, что его земляки, Хань Линь и Шангуань Цюэ, состояли в Павильоне Темного Дождя.

— Кто бы мог подумать, что Ланьтин сам себе перекроет путь, — сказал юноша. — Мне ещё тогда показалось странным, почему глава Ордена Бай позволила Шао Ланьтину и И Утун быть вместе. Было очевидно, что их вражда не будет забыта.

— Помнишь нефритовую флейту в руках И Утун? — спросила Владыка Павильона Мянью. Увидев кивок, она продолжила: — Раньше это было бесценным сокровищем Ордена Безмолвных Цикад. Восемь лет назад, когда моя мать только возглавила орден, внутри была борьба за власть. В то время эту флейту тайно продали. После долгих скитаний она попала к И Утун. Моя мать думала, что если они поженятся, И Утун последует за мужем к нам, и тогда нефритовая флейта вернётся в орден. Кто бы мог подумать, что Шао Ланьтин окажется таким слабохарактерным!

Вань Миньюэ знал И Утун и лишь цокнул языком, подумав, что такая, как она, никогда не откажется от своих амбиций.

Мянью Сяосяо сказала, что Шао Ланьтин после свадьбы стал стряпчим в Чанъане. Но юноша помнил: тот признавался, что именно нежелание продолжать семейное дело заставило его заняться боевыми искусствами.

— Всегда найдутся люди, готовые пожертвовать всем ради одной цели. Глупцы, — вздохнула женщина. — Но иногда я думаю: я столько всего просчитываю, но буду ли я в итоге счастливее их?

Она часто встречала симпатичных ей людей. Вань Миньюэ, зная об этом, часто давал ей советы, посылал людей разузнать о них, записывал всё и отдавал ей, предлагая попробовать сблизиться с ними под маской их идеала.

— Я не люблю притворяться, — говорила она. Причина, по которой она сохраняла эту полноту, заключалась в желании найти искренние чувства.

— Это не притворство, а всего лишь маска, — небрежно отвечал юноша.

— Увёртки.

— В любви всегда есть место маскам. У человека столько граней, как можно разглядеть их все сразу? Иногда мы влюбляемся именно в маску. Мужчины смотрят на женщин сквозь слой косметики. Женщины смотрят на мужчин сквозь их напускную браваду. А когда дело доходит до брака, нужно узнать всё. Ты веришь в любовь с первого взгляда, но разве при первой встрече можно узнать человека целиком? Вопрос лишь в том, как долго ты сможешь носить маску.

— Ерунда.

Вань Миньюэ считал её слишком прямолинейной и больше не поднимал эту тему. Но сейчас, говоря о Шао Ланьтине, он мог не сдерживаться.

Он безжалостно разоблачил её притворное сочувствие:

— У него не было выбора. В нынешней ситуации он мог выбрать либо карьеру, либо любовь. Павильон Развешенных Цветов нейтрален, а ты им управляешь. Ты можешь иметь и то, и другое. Почему же ты не так счастлива, как он? К тому же, ты в любой момент можешь сбросить этот лишний груз и стать такой же, как он.

— Почему ты всегда такой трезвый? Хотелось бы посмотреть, как ты потеряешь голову, — Мян Сяосяо подпёрла подбородок рукой и посмотрела на него со злорадным ожиданием.

Юноша рассмеялся:

— Пожелай мне чего-нибудь получше. Я ведь преемник, которого выбрала твоя мать. Если я потеряю голову, то разрушу Орден Безмолвных Цикад?

***

Седьмой месяц того года

Вань Миньюэ отправился в Тайюань, везя группу юных учеников для участия в состязаниях. Проезжая через Лоян, он остановился на ночь и велел мальчишке-попрошайке доставить письмо.

Ночью в окно постучали. Вань Миньюэ впустил Хань Линя. Тот достал из-за пазухи свёрток с арахисом. В их нынешнем положении они не могли открыто сидеть в таверне.

С их последней встречи прошло почти полгода. Хань Линь положил свёрток и, улыбаясь, по привычке хотел было обнять его. Но, встретившись с взглядом Вань Миньюэ в свете лампы, он вдруг смутился, опустил руки и лишь крепко пожал другу руку.

За ужином всё было как обычно: Вань Миньюэ пил чай, а Маленький Святой Клинка — вино.

— «Желающий удержать ясную луну в синем небе» — какое красивое у тебя прозвище, — с улыбкой сказал Хань Линь.

— Куда мне до твоего «Маленького Святого Клинка»? Как тебе на посту заместителя Владыки Павильона?

Тот лишь горько усмехнулся и промолчал.

— Из-за твоего старшего брата? — спросил Вань Миньюэ.

— Владыка Павильона... просто не любит его, — собеседник с досадой потёр виски. — Не могу

тебе многого рассказать.

Вань Миньюэ больше не задавал вопросов о делах конкурентов. В конце он упомянул его наставника. Хань Линь опустил голову, сжал кулаки, и несколько слезинок упали в его чашу с вином.

Когда ужин подошёл к концу, юноша поднялся, чтобы уйти. Перед тем как вылезти в окно, он сказал, что они увидятся через несколько дней в Тайюане. Вань Миньюэ схватил его, обнял, похлопал по спине, а затем отпустил:

— Увидимся через несколько дней.

***

Хань Линь опоздал на полдня. Вечером в дверь постучали. Вань Миньюэ увидел на пороге высокого друга. Не успел тот и слова сказать, как Маленький Святой Клинка проскользнул в комнату, протягивая ему большой конверт.

— Некоторые нелцеприятные факты о старейшинах Зала Двух Клинков. Кто-то изменяет жене-княжне, кто-то присваивает имущество, кто-то тайно сговаривается с врагами, — сказал он, прислонившись к двери. — Посмотри на досуге. Если добавить это к тому, что у тебя уже есть, можно будет их приструнить.

Вань Миньюэ положил конверт на стол.

— Где ты это достал?

— У должности заместителя Владыки Павильона есть свои преимущества, — лукаво улыбнулся Хань Линь и снова открыл дверь. — Я пойду, если увидят, будут проблемы.

Поездка в Тайюань была не только ради состязаний. Главной целью Вань Миньюэ было взять под контроль Зал Двух Клинков, который когда-то уничтожил его маленькую банду. Это было и стимулом, и мотивом. Теперь, когда Орден Безмолвных Цикад и Павильон Гаснущего Светильника и Темного Дождя были на пике силы, старые организации пришли в упадок.

Бай Ин смотрела на действия своего преемника сквозь пальцы. В тот день он просто обвёл в списке несколько десятков имён:

— Их Орден Безмолвных Цикад не примет. Пусть ищут себе другую дорогу.

Вань Миньюэ пил чай на втором этаже и, глядя, как изгнанники уходят с пожитками, лишь усмехнулся:

— Так им и надо.

Однако результаты состязаний были неважными. Только одна девочка, У Мэйхао (У Мэйхао), пробилась в пятёрку лучших. Сойдя с помоста, она вытащила из толпы коренастого мальчишка и начала его отчитывать:

— Как ты мог опозориться ещё больше, чем я?

Мальчик заплакал. Вань Миньюэ поспешил их разнять, поняв, что они — названные брат и сестра.

В пятёрке лучших трое были из Павильона Гаснущего Светильника и Темного Дождя. Хань Линь, приведший своих учеников, с гордостью подмигнул другу.

Вечером устроили пир с театром теней. Когда слуги погасили свечи, погрузив зал в полумрак, Вань Миньюэ незаметно сел рядом с Хань Линем. Сабля друга лежала рядом, рукава были закатаны, обнажая сильные предплечья. Юноша подпёр рукой голову, серебряные кольца в его ухе холодно поблёскивали. В его виде сквозила усталость.

Вань Миньюэ искоса посмотрел на него. У Хань Линя был прекрасный костяк, даже в профиль он был поразительно красив. Его лицо до сих пор хранило резкие, необузданные черты, которые не сгладятся и через десятилетия.

«Возможно, под светом лампы это выглядело бы ещё выразительнее. — Вань Миньюэ тут же одёрнул себя: — Дурные мысли».

Хань Линь долго не замечал его присутствия, глядя на сцену, где разыгрывали «Возвышение в ранг духов». Вань Миньюэ не всегда был хладнокровен. Сейчас ему очень хотелось взять его за руку, обнять.

В последние несколько дней он даже размышлял: если он положит в свою постель статую, изваянную из белого мрамора, как ему объяснить это служанке, чтобы не показаться извращенцем?

«Он знал, что теперь, когда в теле Маленького Святого Клинка нет гу „Ледяного Холода“, тот будет ещё горячее тех женщин. Но каждый раз, приближаясь к нему, Вань Миньюэ чувствовал пьянящее удовлетворение».

Он просто привык всё обдумывать. Стать любовником друга — значит потерять друга навсегда. А такой друг, как Хань Линь, был слишком ценен. К тому же между их организациями было слишком много обид. Шао Ланьтин и И Утун уже показали, чем это может обернуться.

Вань Миньюэ помнил свой путь от седьмого в разбойничьем логове до нынешнего положения.

Он должен был думать о реальности. О карьере. О том, что будет, если чувства изменятся. Три месяца на грани жизни и смерти в горах оставили более глубокий след, чем десятилетия.

Вань Миньюэ знал, что Хань Линь не был бесчувственным. То, как он неловко заменил объятия рукопожатием, лишь подтверждало догадки. Но такие слабые искры никто не хочет принимать всерьёз, списывая всё на неловкость от разлуки.

Если бы он хотел добиться своего, ему следовало бы сейчас подойти и раздуть эту искру, заставив друга осознать правду и попасть в ловушку.

Но Вань Миньюэ молчал. Он лишь долго смотрел на Хань Линя и, когда мальчик-слуга внёс первую свечу, поднялся и ушёл.

<http://bllate.org/book/15990/1500799>